

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902.6

Б.Д. ЛУРЬЕ¹, И.И. ПИЩИК², Е.В. КОРОЛЕВА³

ОБ ЭКСПЕРТИЗЕ ПАМЯТНИКА КРЕСТЬЯНСКОГО ЗОДЧЕСТВА ИЗ с. ВЕРХ-УЙМОН

¹Ведущий эксперт РРЗАО «Росреставрация»;

²д-р техн. наук,

эксперт Министерства культуры РФ, РГГУ, Москва

e-mail: bipik@mail.ru;

³заведующая Государственным музеем-заповедником им. Н.К. и Е.И. Рерихов

e-mail: e.v.koroleva@inbox.ru

В статье представлены результаты научной экспертизы качества восстановительных работ памятника крестьянского зодчества – дома В.С. Атаманова в с. Верх-Уймон Усть-Коксинского района Республики Алтай. Основным результатом экспертизы стало определение архаичных строительных технологий Верх-Уймо́на как алтайского варианта северно-русской архитектурной традиции, а также датировка древесины неразрушающим методом И.И. Пищика, которая дала спектр дат от 1457 до 1857 г.

Ключевые слова: реставрационные работы, экспертиза, уймонские старообрядцы, памятник деревянного зодчества.

В октябре 2007 г. экспертами РРЗАО «Росреставрация» (Москва) архитектором-реставратором деревянного зодчества Б.Д. Лурье и доктором биологических наук И.И. Пищиком были проведены обследование и оценка качества восстановительных работ дома Варфоломея (Вахрамея) Семеновича Атаманова в с. Верх-Уймон Усть-Коксинского района Республики Алтай, с 1995 г. имеющего статус особо ценного памятника истории и культуры республиканского значения [1]. Экспертизе подвергся проект реставрационных работ, предоставленный директором АФСИ «Сибспецпроектреставрация» (Барнаул) А.А. Машонкиным, а также дом – результат восстановительных работ, выполненных Сибирским Рериховским обществом (СибРО, Новосибирск) в 1995–2003 гг.

С целью получения достоверной информации о первоначальном состоянии памятника экспертами была опрошена внучка В.С. Атаманова Мария Васильевна Сошнева (1925 г.р.), которая в детстве проживала в доме деда. Дополнительно был обследован наиболее архаичный образец традиционной архитектуры – дом Н.Ю. Клокова в с. Верх-Уймон, об-

наруженный в результате исследовательского рейда по селам Верх-Уймон, Мульта и Чендек. Частью экспертной оценки стала датировка образцов древесины неразрушающим методом И.И. Пищика¹. Ценность информации, полученной в результате проведенных экспертных мероприятий, выходит далеко за рамки прикладного значения экспертизы качества восстановительных работ отдельного старообрядческого дома, поэтому мы решили данной теме посвятить научную публикацию, дополнив экспертное заключение необходимыми комментариями, касающимися этнической истории уймонских старообрядцев.

В настоящее время ареалом проживания представителей этнографической группы уймонских старообрядцев является весь Усть-Коксинский район Республики Алтай, однако коренными старообрядческими селами остаются расположенные на правом берегу Катуня Верх-Уймон, Гагарка, Мульта, а также Тихонькая и Замульта. Старейшим селом среди них в устной

¹ Пищик И.И. Датирование древесины длительной выдержки неразрушающими методами: специальность 05.21.05 «Древесиноведение, технология и оборудование деревообработки»: Дис. ... д-ра техн. наук. М., 2005. 356 с.

традиции называется Верх-Уймон, что подтверждено архивными данными.

Официальной датой основания с. Верх-Уймон считается 1796 г. (в 2006 г. по этому случаю был отпразднован юбилей). Указанная датировка условна и отталкивается от даты легализации уймонских старообрядцев и возвращения их в российское подданство со статусом ясажных инородцев в 1797–1798 гг. Согласно устной традиции первыми русскими насельниками Верх-Уймона стали семьи Бочкаревых, Атамановых и Черновых. Представители именно этих фамилий являлись наиболее богатыми домохозяевами согласно переписи 1917 г. [2].

Основателями села называется семья Бочкарева. По легенде, записанной от Симеона Огнева, которому по переписи 1897 г. было 90 лет, это был Гавриил Бочкарев с сыновьями. Первоначально они жили в устье рек Аргут и Челушман, имели там обзаведение (мельницу и пашню), а затем переселились в Уймонскую степь по требованию властей [2]. Согласно сведениям из автобиографической рукописи Тимофея Филипповича Бочкарева (1917–2011) это были Василий Бочкарев с сыновьями Исааком, Григорием, Федором и Иоанном, а также Григорий Атаманов с сыновьями, которые прибыли в «долину Катуня» к «горе Белуге» из старообрядческих поселений на р. Кержа (Керженец)². Географическое местоположение села указывает на то, что Верх-Уймон был основан до официальной легализации беглых «каменщиков», но позднее их фактического проникновения в район Уймонской степи. Предположительно, первые дома в с. Верх-Уймон были перевезены из еще более удаленных высокогорных заимок [3].

Название села коренным населением уверенно связывается с легендарной фигурой алтайца Оймона (в различных вариантах Уймона, Уймонки, Аймона, Оймона, братьев-уймонов), который встретил и дружелюбно принял первых русских переселенцев³. Следует отметить, что «Уймон» (в русской кириллической и алтайской орфографии Оймон) – это алтайский топоним, обозначающий местность в верхнем течении Катуня у подножия г. Белуха, название которой, в свою очередь, восходит к алтайскому топониму Булукту (Облачная), заменяющему табуированное священное название горы в разговорной речи. Кроме того, «оймон» или «уймон» в русском произношении – это современные этнонимы, применяемые в равной степени к коренному тюрко- и русскоязычному населению: старообрядцам – «оймонам» («уймонам») и алтайцам «оймон-кижи». Согласно алтайской устной традиции «оймон-кижи» не только дружелюбно встретили и по-

могли перезимовать первым беглым «кержакам», которые «пришли ни с чем», но и охотно вступили с ними в родственные отношения путем заключения браков⁴.

Экспедиция К.Ф. Ледебура и А.А. Бунге в 1826 г. застала в Верх-Уймоне 14 дворов и смешанное русско-алтайское население. По сведениям исследователей, деревня была основана в 1801 г. Уже в этот период уймонцы занимались торговлей с Китаем пантами диких маралов (охотничьими трофеями), яйлажным скотоводством и дополнительно земледелием. В отличие от долины р. Бухтармы: «пшеницу здесь уже не сеют, да и рожь не каждый год дает хороший урожай» [4]. Позднее, под влиянием бухтарминских старообрядцев, а также в связи с ростом численности населения уймонцы перешли к загонному мараловодству [5]. Естественно, что при таком типе хозяйствования в этой группе надолго сохранился заимочный образ жизни. Так, заимками-спутниками Верх-Уймона вплоть до 1960-х гг., согласно устной традиции, были Лукова, Гагарка, Щелкина, Леонтьевские кусты, Базулаево, Ойбок, Верхний и Нижний Околы, несколько Шугашей (местное произношение алтайского топонима Сугаш) [3]. Ликвидация этих населенных пунктов в XX в. была связана с политикой укрупнения сел.

Семья Варфоломея (Вахрамея) Семеновича Атаманова, согласно переписи 1917 г., являлась одной из трех богатейших семей в селе и владела 241 головой крупного рогатого скота, в основном маралами [2]. Супругой Варфоломея Семеновича была Екатерина Федоровна Бухтуева⁵. Это была большая семья, включавшая семьи братьев В.С. Атаманова – Серапиона и Петра, а также семьи его взрослых сыновей Василия, Прокопия, Симона. Именно эта большая семья приняла у себя в 1926 г. Центрально-Азиатскую экспедицию Н.К. Рериха. В 1928 г. семья В.С. Атаманова была раскулачена и отправлена в Нарым, где многие члены семьи погибли, в том числе Варфоломей Семенович.

Семидневное пребывание экспедиции Н.К. Рериха стало причиной включения дома В.С. Атаманова в перечень памятников истории местного значения в 1972 г. и позднее в список особо ценных памятников Республики Алтай в 1995 г. В 1979 г. на территории бывшей усадьбы Атаманова был создан музей им. Н.К. Рериха, который благодаря мемориальной специализации дал начало комплексному изучению и музеефикации культурного наследия уймонских старообрядцев.

Примечательно, что на различных этапах истории музея активное участие в его создании принимали потомки В.С. Атаманова: внучки Матильда (Матрена) Васильевна и Мария Васильевна Атамановы, правнучки архивист Татьяна Геннадьевна Мальцева, архитек-

² Штотова Н.И. Этническая история старообрядцев Уймонской долины Горного Алтая в старообрядческих нарративных источниках (по материалам рукописей Т.Ф. Бочкарева) // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы. М.; Боровск, 2011. Т. 1. С. 350–363. [Электронный ресурс]. URL: www.borovskold.ru/content.php?page=lonuemcd_rus&id=104 (дата обращения 23.10.2013).

³ Сообщение У.М. Аргоковой, В.Е. Казанцевой, Н.Ю. Клокова, А.А. Нетескина и других жителей с. Верх-Уймон.

⁴ Сообщение В.И. Катынова, жителя с. Курунда. Житель с. Тюнгур Г.Я. Шикаков так передает сцену знакомства: «Когда алтаец увидел первую русскую женщину, у него сделались очень большие глаза, он просто обалдел от такой красоты и тут же захотел на ней жениться».

⁵ Данные из родословной Матильды (Матрены) Васильевны Атамановой.

тор Наталья Евгеньевна Сладкова. К сожалению, все эти хорошо информированные и обладающие профессиональными познаниями люди были отстранены от непосредственного участия в процессе восстановительных работ дома их предка.

Благодаря фотографиям участников экспедиции Н.К. Рериха и детализированным воспоминаниям внучек В.С. Атаманова мы знаем, как именно выглядел дом снаружи и изнутри. Это был дом-связь классического северно-русского типа: двухэтажный, деревянный, рубленый «в обло с остатком» из лиственницы, под четырехскатной тесовой кровлей, ориентированный на юго-восток. Со стороны дворового (северного) фасада к дому примыкала рубленая в лапу пристройка с входом на первый и второй этажи.

Двухэтажная связь представляет собой развитие архитектурной формы высокого северного дома на подклети, образцом которого в Верх-Уймоне является старый дом Н.Ю. Клокова. Двухэтажным такой дом становится благодаря превращению подклети в жилой (или частично жилой) этаж. В классическом варианте подклеть – это не отапливаемое хозяйственное помещение под полом избы. На Алтае в сухом и холодном климате высокогорья первые два-три венца подклети (и первого этажа двухэтажной связи) закапывали в землю, а в самом помещении устраивали вход в глубокое (до 3 м вниз) подполье-«ледник». Зимой в ледник заливали воду, не таящую все лето, и таким образом создавали условия для круглогодичного хранения замороженных мясных и молочных продуктов. Во влажном климате бывшей Архангельской губернии, где сформировался такой тип строений, первые венцы не только никогда не закапывали, но, напротив, поднимали над уровнем грунта с помощью каменных опор-«стульев».

Таким образом, дом В.С. Атаманова представляет собой алтайский вариант классического северно-русского архитектурного типа. Именно такого типа дома преобладают на фотографиях, выполненных в бухтарминских деревнях с 1903 по 1924 г. и хранящихся в фондах Российского этнографического музея [6]. В Верх-Уймоне ближайшим аналогом является дом Н.Ю. Клокова. Это связь на подклети с высоким крыльцом, имеющим старинную конструкцию с массивным опорным столбом и резными балясинами. Дом имеет тесовую кровлю на самцах, деревянный охлупень, деревянные водостоки, врубленные полки в интерьере, глухие одностворчатые ставни, традиционные для деревень старообрядцев «каменщиков» (бухтарминцев и уймонцев). В Верх-Уймоне есть еще один дом-связь на подклети и несколько изб-пятистенок старинной рубки, но ни у одного из них нет в сохранности такого количества архаичных элементов, присущих севернорусскому деревянному зодчеству.

Между тем старинные фотографии и воспоминания старожилов свидетельствуют, что в начале XX в. такие дома были в каждой деревне. Двухэтажные связи в первую очередь подверглись разрушению, так как их владельцы были раскулачены в 1928–1930-х гг., а

сами строения переходили в общественное пользование, становились общежитиями, детскими садами или передавались от одной советской организации к другой. Так были утрачены дома-связи в Верх-Уймоне, Гагарке, Катанде, Теректе. Последние образцы домостроений больших старообрядческих семей были разобраны в ходе приватизации совхозного имущества в 1990-е гг. Следует подчеркнуть, что разрушение или частичная утрата исторической ценности происходили прежде всего в результате перестроек, перепланировок и нерадетельного владения домами, а не по причине физического износа древесины несущих конструкций. Обследование старых строений экспертами дает основание утверждать, что условия сохранности древесины в Усть-Коксинском районе в силу особенностей местного климата являются одними из лучших в Российской Федерации, что и придает всем строениям особую износоустойчивость.

Интересный результат дал рейд по селам Мульта и Чендек. Здесь были обследованы все старинные строения, и нигде не обнаружено ничего похожего на уймонские дома-связи. Напротив, архитектурный тип мультиных домов может быть уверенно отнесен к приуральской (вятско-пермской) традиции. То же относится и к немногочисленным старинным домам Чендека. Это намного более молодые села, чем Верх-Уймон. Ориентировочная дата основания с. Мульта – 1870-е гг. Согласно местной легенде это село также возникло на месте алтайской стоянки (*юрт*). Перепись 1917 г. показывает, что две трети мультиных семей – это переселенцы из Вятской губернии и треть – из Томской губернии [7]. Таким образом, архивные данные идут в полном согласии с результатами архитектурного обследования экспертов.

На момент начала восстановительных работ в 1995 г. у дома В.С. Атаманова сохранился второй этаж, перебранный и поставленный на землю в 1940-х гг. после того, как в годы Великой Отечественной войны на дрова пустили первый цокольный этаж. Рассказы М.В. Сошневой (Атамановой) позволили уточнить планировку утраченного первого этажа. Он состоял из подклетной, темной, восточной части и светлой кухни в западной половине дома. В кухне имелись глинобитная русская печь и встроенные полаты. В темной восточной части первого этажа был устроен ледник описанной ранее конструкции. За счет заглубленных в землю первых венцов сруба окна первого этажа находились практически на уровне грунта. Чтобы попасть в кухню, нужно было спускаться на четыре ступеньки вниз от двери. На фотографиях 1926 г. видно 18 надземных венцов сруба. Для сравнения, в доме Н.Ю. Клокова 16 надземных венцов, не считая самцов, на которых лежит кровля. Таким образом, двухэтажный дом В.С. Атаманова лишь на два венца выше одноэтажной на подклети связи Н.Ю. Клокова, визуальная разница между ними была не велика.

За время существования памятник несколько раз менял хозяев и, соответственно, назначение, что повлекло за собой перемены во внешнем облике и ин-

терьере. Состояние дома к началу проектных и реставрационных работ зафиксировано на фотографии 1995 г. и в обмерных чертежах ГАП А.А. Машонкина. Творческие поиски вылились в три различных варианта проекта реставрации. К сожалению, ни один из них не был проектом дома В.С. Атаманова на время пребывания в нем экспедиции Н.К. Рериха. Несмотря на упомянутые в пояснительной записке «протоколы опроса родственников В.С. Атаманова», последние отражения в проекте не нашли. «Схема расположения зондажей», на которую дважды ссылается автор проекта, никак не привязана на местности.

В распоряжении экспертов находятся пять архивных фотографий 1926 г. (не считая фото 1995 г.), полученных у проектировщиков и опубликованных СибРО [8]⁶, которые должны были послужить основным материалом для проекта реставрации утраченных частей. Сравнение этих фотографий с выстроенным домом вызывает удивление.

Восстановленный дом заметно подрос: в нем 21 надземный венец, в отличие от старого дома В.С. Атаманова, где их всего 18. Пристройка (крытая лестница) северного фасада в доме В.С. Атаманова была срублена «в лапу», без выпуска срединного переруба наружу. Западная ее стена состояла из восьми венцов и примыкала к основному объему в уровне верха окон первого этажа. Она была изготовлена из более тонких и легких бревен, чем сруб дома, и, вероятно, собрана уже в усадьбе, в то время как сруб дома традиционно рубили и собирали в тайге и лишь затем перевозили на постоянное место.

В восстановленном доме пристройка рублена «в обло с остатком», с выпусками внутренней стены, а западная стена «подросла» до 12 венцов и примыкает к дому в уровне низа окон второго этажа. Бревна такого же размера, как и в срубке дома, тяжелые и широкие. Входная дверь произвольно сдвинута к западу. Расстояние от верха наличников второго этажа до фризовой доски в 1926 г. составляло 5–7 см, ныне – почти два венца (более 35 см). Центральная, каркасная часть пристройки второго этажа изменена до неузнаваемости и приобрела функцию лоджии, нетрадиционной для крестьянского дома.

Кухня в западном крыле первого этажа лишилась входа, а темный подклет в восточном крыле, напротив, приобрел два окна на южном фасаде. На фотографиях проектировщика видно, что этих окон не было в ходе сборки дома. Отлично видно количество «родных» бревен, нашедших свое место в срубке второго этажа, так как на этапе сборки они резко выделялись по цвету.

Лестница с забежными ступенями, устроенная в средней части дома, в связи, а не в прирубке, как в остальных домах этого типа, окончательно ломает исторически сложившееся объемно-планировочное ре-

шение дома-связи вообще и дома В.С. Атаманова в частности.

Окна первого и второго этажей снабжены ставнями. Ни на фотографиях 1926 и 1995 гг., ни в обмерных чертежах нет ни ставней, ни следов от них. Оконные коробки второго этажа первоначальные, это следует из «Пояснительной записки» к проекту А.А. Машонкина.

Изначально стены изнутри были окантованы, углы срублены «в лас» – скруглены. Это следует как из воспоминаний М.В. Атамановой, так и из проектной документации. В ходе «реставрации» круглые углы были где спилены, где срублены, а внутренние поверхности бревен, оконные колоды и подоконные доски оструганы. Окна и двери в интерьере, украшенные профилированными наличниками, как и полы, – свежеструганная доска, покрытая лаком, безусловно, являются новым словом в истории крестьянского деревянного зодчества.

В интерьере присутствует кирпичная печь вместо глинобитной. На кровле установлена кирпичная труба нетрадиционной для данной местности формы и, что очевидно при сравнении с архивными снимками, не там, где она имела место у В.С. Атаманова. Встроенные полати, ледник и другие традиционные черты интерьера уймонского старообрядческого дома отсутствуют.

Ограда вокруг усадьбы В.С. Атаманова в 1926 г. – это прясла, длинные тонкие жерди, закрепленные в желоба опорных столбов камнями или небольшими брусочками. Каждый пролет прясел легко разбирается, что необходимо, если во двор въезжает воз с сеном, строительными материалами, дровами или загоняют крупную партию скота. Восстановленный дом окружает забор из полубревен, намертво приколоченных к опорным столбам гвоздями. Один из столбов нового забора намного выше других. В исторической усадьбе это была коновязь, которую на момент прихода экспедиции Н.К. Рериха хозяин не успел еще обточить для придания нужной (алтайской) формы. Конечно, коновязь стояла отдельно, перед пряслами, и не была частью забора, что видно на экспедиционных фотографиях и чего не заметили исполнители восстановительных работ.

Подводя итог, можно сделать вывод, что объемно-планировочная структура восстановленного дома изменена и кардинальным образом отличается от первоначального дома В.С. Атаманова, а значит, не несет в себе ни информативных, ни культурных функций памятника. Строительные плотницкие приемы (вязка углов) не соответствуют первоначальным.

Следует поставить под сомнение согласованные утверждения подрядчика и проектировщика об ужасающем состоянии памятника на момент начала восстановительных работ. В 2007 г. древесина из подлинного дома В.С. Атаманова находилась в хорошем состоянии, несмотря на то, что она не всегда грамотно была использована. Так, некоторые венцы первого этажа из временной (старой) древесины были перевернуты и поставлены трещинами вверх, что недопустимо, так

⁶ Фотографии старого дома 1926 г. и дома-новодела можно найти на сайтах: www.altai.sibro.ru, а также www.uymon.ru/exhibitions/roerich_and_altai/ (дата обращения: 23.10.2013).

как в трещинах скапливается вода. Во втором этаже у пола восточной комнаты собран элемент из старой и новой древесины. Такое сочетание небезопасно, так как свойства этих материалов сильно различаются, они по-разному дают усадку и реагируют на изменения температурно-влажностного режима. Часть старой древесины отличной сохранности вообще не нашла применения в ходе восстановительных работ и лежала на заднем дворе⁷.

Впечатляющие результаты дала датировка древесины:

Наименование образца старой древесины	Порода древесины	Год рубки
13-1 венец северная сторона	лиственница	1857±15
Неиспользованная при реставрации древесина	лиственница	1822±15
Второй этаж, южная сторона изнутри	лиственница	1770±15
То же, другой венец	лиственница	1457±15
Элемент дома Н.Ю. Клокова (опорный столб крыльца)	ель	1667±15

Даты в таблице соответствуют датам рубки древесины. Из приведенных выше данных следует, что при строительстве (во второй половине XIX в.) или при перестройке (в 1940х гг.) дома В.С. Атаманова использовались бревна разных годов рубки, в том числе древесина длительной выдержки (т. е. такая, которая была старой уже на момент строительства). Датировать дом Н.Ю. Клокова по одному элементу невозможно, однако сам по себе результат представляет интерес и требует дальнейших исследований.

Вторичное использование старой древесины традиционно для русского деревянного зодчества в целом и для уймонских строительных технологий в частности. В некоторых случаях допускалось и даже особо приветствовалось использование мореной древесины. Принимая во внимание специфику с. Верх-Уймон, можно допустить перевозку срубов из удаленных горных заимок (из тайги). Экономически оправданным такой тип строительства оказывается уже тогда, когда расстояние до заимки хотя бы на треть короче расстояния до строевого леса. Чем выше уклон горы, где растет лес, тем меньше будет приемлемая разница в расстоянии. Кроме того, необходимо учитывать наличие технологии срубного строительства из лиственницы у алтайцев (оймон-кижи), вторичное использование строений которых старообрядцами «оймонами» вполне возможно, особенно на раннем этапе их истории⁸.

Так или иначе, вопрос о происхождении древесины длительной выдержки в уймонских строениях

требует дальнейших исследований. Указанная проблема представляет особый интерес в связи с необходимостью уточнения даты проникновения русских на территорию Уймонской степи и Горного Алтая. Требуется уточнения и дата основания с. Верх-Уймон. Если время основания сел в верховьях Катуня определенно связано с процессом легализации беглых «каменщиков» и возвращения их в российское подданство, то время основания первых русских поселений (в широком смысле, включая заимки) имеет длительный период истории, нелегальный с точки зрения российских властей, но вполне законный и оправданный с точки зрения административной системы Джунгарского ханства. Напрямую о джунгарском периоде в истории проникновения русских на Алтай свидетельствуют архивные данные. Донесения российских послов Петру I сообщают о том, что Галдан-Цэрен инициировал перемещение группы «горных мастеров» из Центральной России с целью развития собственного оружейного производства на территории Джунгарского ханства.

В своем донесении послы подчеркивают различие функционирования российской и джунгарской пограничных систем, отмечая преимущества последней. Сообщается, что наряду с оружейниками джунгарский хан привечал «землепашцев», планируя создать на Алтае устойчивый источник пополнения зерновых запасов взамен утраченных в схватке с Китаем оазисов Синьцзяна [9]. С посольскими данными согласуются исторические легенды «оймонов», зафиксированные в рукописи Бочкарева Тимофея Филипповича из с. Мульта [4]. В легенде об уймонском первопроходце Исае Бочкареве имеется ряд характерных деталей, в первую очередь это осведомленность о конечной цели поисков места для жительства у «горы Белуги» и Катуня, а также дружественный прием алтайцем «Аймоном» (Оймоном)⁹, которые можно расценивать как косвенное свидетельство в пользу санкционированного джунгарской администрацией переселения.

Кроме того, в ситуации переселения малочисленной компактной группы старообрядцев русско-джунгарские контакты не обязательно могли иметь официальный характер. Данные о пути на Алтай, а также несторианскую по происхождению легенду о Беловодье русские могли получить у себя на родине через поволжских калмыков, переселившихся в Россию в 1650–1660-х гг. [10].

Подведем некоторые итоги:

– объемно-планировочная структура и строительные приемы восстановленного дома В.С. Атаманова изменены и кардинальным образом отличаются от первоначальных;

– планировка и конструктивные особенности исторического дома В.С. Атаманова позволяют отнести его к алтайскому варианту северно-русской архитектурной традиции;

⁷ Местные жители и соседи восстановленного дома сообщают, что старой древесины после сборки новодела осталось много, и работники СибРО попросту сжигали ее на заднем дворе.

⁸ По сообщению З.Т. Музыковой, краеведа из с. Чендек, отказ от срубного строительства в пользу временных корьевых аиллов «алачик» происходил у алтайцев в связи с агрессией Цинского Китая в 1750–1780х гг.

⁹ Собирательное название алтайцев Уймонской степи, местный этноним: оймон-кижи.

– близкие аналоги дома В.С. Атаманова есть сейчас и были ранее в Верх-Уймоне, а также в некоторых селах бухтарминских старообрядцев, но не встречаются в ближайшем с. Мульга, что подтверждают архивные данные о различном происхождении первоначального населения этих сел;

– датировка древесины дает разброс дат от 1457 до 1857 г. и требует дополнительных исследований для уточнения времени рубки бревен из других старинных домов Усть-Коксинского района, а также технологии вторичного использования и происхождения старой древесины из старообрядческих заимок (алтайских стоянок);

– доказанный факт использования древесины длительной выдержки в жилых строениях Верх-Уймона в совокупности с архивными данными и историческими легендами «оймонов» позволяет поставить вопрос о пересмотре даты основания села, а также даты проникновения русских переселенцев на территорию Уймонской степи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Экспертное заключение по ремонтно-реставрационным работам по дому Атаманова В.С. с. Верх-Уймон Усть-Коксинского района Республики Алтай // Российское республиканское закрытое акционерное общество «Росреставрация». Генеральный ди-

ректор В.С. Евстигнеев / Эксперты: Лурье Б.Д., Пищик И.И. М., 2007.

2. Мальцева Т.Г. Документы по истории Усть-Коксинского района в ЦХАФ АК // Архивные чтения. Усть-Кокса, 09.06.2006.

3. Королев С.Ф. К вопросу о местоположении с. Верхний Уймон // Традиции природопользования народов Горного Алтая : Материалы конф. / сост. Е.В. Королева, С.Ф. Королев. Бийск, 2009. С. 150–153.

4. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993. С. 80–83.

5. Мукаева Л.Н. У истоков алтайского мараловодства // Традиции природопользования народов Горного Алтая : Материалы конф. / сост. Е.В. Королева, С.Ф. Королев. Бийск, 2009. С. 120–126.

6. В поисках Беловодья. Проект «Разная Земля». СПб., 2010. Т. 1.

7. Истомина Н.М. Нижний Уймон, Мульга: рассказывают архивные данные // Традиции природопользования народов Горного Алтая : Материалы конф. / сост. Е.В. Королева, С.Ф. Королев. Бийск, 2009. С. 147–149.

8. Галина Ярцева. Рерих и Алтай. – Н.: ИЦ РОССАЗИЯ, 2010.

9. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX вв. М., 1983.

10. Королева Е.В. Торговля и пути сообщения России с государствами Центральной Азии в истории заселения русскими Юго-Восточного Алтая // Усть-Коксинские архивные чтения. Барнаул, 2007. Вып. 1. С. 91–95.

Статья поступила
в редакцию 12.08.2013

УДК 821.161.1.09+930.85+002.2(163.1)(091)

О.Д. ЖУРАВЕЛЬ

ПРЕДИСЛОВИЯ В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ

канд. филол. наук,
Институт истории СО РАН, НГУ,
г. Новосибирск,
e-mail: istochnik_history@mail.ru

В статье ставятся проблемы старообрядческой литературной культуры начала XVIII–XX вв. На материале предисловий к рукописным сборникам изучаются методы работы старообрядческих книжников. Центральное внимание в статье уделяется предисловиям в Урало-Сибирском патерике – историко-агиографическом своде, созданном книжниками согласия «часовенных», самого крупного старообрядческого согласия на востоке России, в 1940-х – начале 1990-х гг. Выявлены источники предисловий Урало-Сибирского патерика, среди которых – сборники, созданные выговскими старообрядцами в XVIII в. Показано, что вместе с текстуальным заимствованием передавались идеи и концепции, имеющие важное значение в идеологии старообрядчества (утопические, эсхатологические идеи).

Ключевые слова: старообрядцы, рукописный сборник, Урало-Сибирский патерик, риторика, барокко, литературная культура, утопия, эсхатология.

Старообрядческая письменность, преемственно связанная с древнерусской, сыграла большую роль в сохранении национальных культурных традиций. Это сказалось в культуре создания и оформления рукописной книги, в частности, в том значении, которое старообрядческие книжники придавали предисловиям как важной, значимой, а подчас и самостоятельной части сочинения, сборника или рукописного кодекса (о роли предисловий в древнерусской рукописной и старопечатной книге см., например, [1]; попытка классификации предисловий на материале древнерусской агиографии проведена в работе Е.В. Маркасовой [2]). В старообрядческой литературе, как и в древнерусской, сборник остается главной формой бытования письменных памятников. Стремясь обосновать пра-